

КИРДИНА С.Г. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ И РАЗВИТИЕ РОССИИ. М.: ТЕИС, 2000. — 213 с.

Нередко социологический анализ институтов сводится к учету социальных «рамочек» и других ограничений, с которыми сталкивается действующий субъект. Это приводит к недооценке института как важнейшей социологической категории. В определенной степени российские социологи уделяют недостаточно внимания активно обсуждаемым в мировой науке возможностям институциональной регуляции социального поведения.

Институциональная социология является одной из перспективных областей социальных наук, хотя многие исследователи придерживаются альтернативной точки зрения. В частности, О. Тоффлер разрабатывает теорию деинституционализации современных обществ [1]. Вероятно, тенденция к деинституционализации означает трансформацию традиционных социальных институтов, а не их исчезновение из современной общественной жизни. Становление демократических социальных институтов в России отличается особой сложностью и неоднозначностью. Укрепление гражданского самосознания, вытеснение сетевыми отношениями отношений административной зависимости, усиление социальной мобильности, формирование новых солидарностей — все это свидетельствует об освобождении личности от внешнего социального контроля. В то же время реформирование российского общества требует создания современных социальных институтов, обеспечивающих вхождение страны в мировое сообщество.

Монография С.Г. Кирдиной является серьезным исследованием по институциональной социологии. Теоретическая традиция, в русле которой выполнена работа, связана с именами К. Поланьи, Д. Норта, Ш. Эйзенштадта, А. Алчиана, А.С. Ахиезера, В.А. Ядова, В.Т. Рязанова и др. Особое место в этом ряду занимают разработки коллег автора по Новосибирской социологической школе (О.Э. Бессоновой, Т.И. Заславской и др.). В той степени, в какой изучение процессов институционализации требует привлечения исторического материала, С.Г. Кирдина опирается на работы В.О. Ключевского, М.И. Ростовцева, Л.И. Рейснера, Л.С. Васильева и др. Следует заметить, что исторический компонент книги оставляет желать лучшего: излагаемые в ней сведения фрагментарны и используются в значительной степени для подтверждения выводов автора. Причина этого недочета, вероятно, заключается в несистематическом подборе историографического материала. Вместе с тем, сам факт историко-социологического подтверждения гипотез автора представляет интерес.

В книге развивается структурно-системный подход, авторская трактовка которого напоминает точку зрения Т. Парсонса, своеобразно скорректированную с учетом общепризнанного сегодня тезиса о цивилизационном разнообразии мира. «При структурно-системном подходе, которого мы придерживаемся в настоящей работе, — пишет С.Г. Кирдина, — объектом исследовательского интереса являются институты как глубинные социальные отношения, определяющие разнообразие проявляющихся на поверхности явлений, форм и организаций» (с. 67). Несомненный положительный результат внимания к глубинным социальным отношениям — установление ста-

бильных социальных порядков на фоне изменчивых событий, и, что особенно важно, последовательность и логичность изложения проблемы. Правда, такой подход чреват схематичностью, но в современной социологии схематичность может давать и положительные результаты.

На основе системно-структурного подхода С.Г. Кирдина строит концепцию институциональных матриц и развивает свою версию «российского пути». Автор ставит цель «проникнуть в законы устройства обществ, выделить в меняющемся социальном мире неизменные основы, определяющие пути и характер исторического развития» (с. 3). В первой части книги раскрываются понятия «институт», «система институтов», в том числе отличие базовых институтов от институциональных форм, рассматриваются институциональные матрицы, их обусловленность материально-технологической средой. Во второй части описываются два типа институциональных матриц (западной и восточной), включающих экономику, политику и идеологию. В третьей части анализируются устойчивость матриц и механизм их изменения.

Под «институциональной матрицей» автор имеет в виду устойчивую исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической: «Институциональная матрица, — пишет С.Г. Кирдина, — это архетипическая триединая социальная форма; она представляет собой систему экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии» (с. 24). Следуя Г. Зиммелю, автор пишет о необходимости выделять абстрактные социальные формы как предмет научного изучения в отличие от конкретных фактов и явлений. Подобно тому, как геометрия абстрагирует пространственные формы от физических объектов ради глубинного изучения, так и социология должна изучать институциональные матрицы — абстрактные воплощения реальных общественных отношений (с. 25).

Предлагаемая С.Г. Кирдиной матрица имеет вид треугольника, что не соответствует обычному (для линейной алгебры) представлению о матрице. Схема напоминает «квадратную» схему AGIL Т. Парсонса, в которой в качестве основных сфер общества выделены экономика (функция адаптации), политика (функция целедостижения), право (функция интеграции) и социализация (функция воспроизводства латентного образа). С.Г. Кирдина детально рассматривает понятие институциональной матрицы, использованное К. Поланьи и Д. Нортон, и открывает в нем новые эвристические возможности. В книге обосновывается вывод, что институциональная структура общества состоит из базовых институтов и дополнительных (альтернативных) институтов — институциональных форм. Первые являют собой основополагающие элементы институциональной матрицы — своего рода исторические инварианты, позволяющие обществу выживать и развиваться, сохраняя свою самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов. Институциональные формы, наоборот, безгранично гибки и используются без пространственно-временных ограничений. «Это означает, что хотя базовые институты как сущностные связи между основными сферами человеческой деятельности в обществе сохраняют свое содержание, их воплощение в конкретных формах меняющейся социальной практики постоянно развивается» (с. 130).

Теоретически можно представить следующую конструкцию. Существует неизменный «базис» (базовый институт) и бесконечно подвижная «надстройка», являющаяся конкретным «оформлением» базового института. На наш взгляд, изменение институциональных форм не может не повлечь за собой изменение базового института, но в таком случае он уже не может рассматриваться как «инвариант». По мнению С.Г. Кирдиной, ограничения в изменчивости свойственны не только базовым институтам, но и институциональным формам. Будучи более подвижными, они, тем не менее, не могут выйти за границы, задаваемые базовыми институтами. Тогда становится понятным несколько неожиданное, но встроенное в авторскую концепцию понимание революции. Социальная революция представляет собой спонтанное возвращение общественных структур к исходной институциональной матрице, деформированной в результате неосознанных действий социальных субъектов внутри государства или под влиянием внешних воздействий. Через революцию восстанавливается направленность исторического процесса, происходит возвращение к поступательной спирали развития общества по траектории, обусловленной типом институциональной матрицы, то есть возвращение общества к самому себе, к своему собственному пути (с. 120). Изменение, по С.Г. Кирдиной, возможно только в определенных институциональной матрицей рамках. Здесь усматривается возврат к экономическому институционализму и пониманию института как «институциональных рамок». Отличие состоит в том, что автор предлагает более развернутую иерархию институтов, вводя промежуточную категорию — институциональную форму, которая не сама определяет рамки взаимодействия, а воспроизводит рамки, заданные базовыми институтами в обновленном виде. По мнению С.Г. Кирдиной, никакое радикальное переустройство невозможно, пока не наступит его время, определяемое естественной эволюцией институциональной матрицы. Изменения должны быть направлены не «вовне», а «внутри», «на себя». Институциональное изменение — это раскрытие присущих институциональной матрице свойств, самоидентификация, самопознание.

Исходя из концепции институциональных матриц автор предлагает собственное видение исторического пути России. По ее мнению, две комбинации базовых институтов, основанные на свойствах симметричности, комплементарности (однозначного соответствия), доминантности над альтернативными вариантами — порождают два разных типа институциональных матриц: западную и восточную. Первый тип характеризуется рыночной экономикой, федеративно-субсидиарной политической системой и идеологией, ориентированной на поддержание роли личности. Второй тип принципиально иной. Он проявляется в нерыночной экономике, унитарно-централизованной политической системе и идеологии, основанной на принципах коммунитарности и «соборности». В качестве примера обществ западной институциональной матрицы автор приводит страны Западной Европы и США, а восточной институциональной матрицы — Россию, большинство стран Азии и Латинской Америки, Египта.

Особый интерес представляет выявление причин исторического формирования двух различных матриц. С.Г. Кирдина подробно исследует материально-технологическую среду как фактор, предопределяющий конфигура-

цию базовых институтов институциональной матрицы. Выделяются два альтернативных свойства материально-технологической среды, проявляющиеся при ее освоении социумом: коммунальность, соответствующая восточному типу институциональной матрицы, и некоммунальность, соответствующая западному типу институциональной матрицы. Автор считает, что коммунальность предполагает использование среды как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы распада всей системы; некоммунальность же предполагает технологическую обособленность важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования [2]. Данная гипотеза, разработанная автором совместно с О.Э. Бессоновой, продолжает традиции отечественной общественной науки и отличается четкой проработкой понятий. Тезис о внутреннем единстве и взаимообусловленности социальных институтов, на котором настаивает С.Г. Кирдина, совершенно справедлив. Обществу нельзя навязать институты, ему не присущие, невозможно субъективным образом заменить один институт другим, пусть даже обнаружившим свою эффективность в другой стране. Здесь необходимы исторические, культурные, материально-технические предпосылки.

Некоторые положения работы остались не раскрытыми. Меняется ли структура институциональных матриц по мере ослабления роли материально-природного фактора? Возможно ли применять понятие институциональной матрицы для характеристики многонациональных государств, особенно таких, в которых народы прошли разный культурно-исторический путь, формировались в рамках разных базовых институтов? Историко-фактологическое обоснование теории институциональных матриц также не завершено. Раскрывая экономические, политические и идеологические составляющие институциональных матриц восточного и западного типа, С.Г. Кирдина бескомпромиссно противопоставляет их. Вместе с тем, выделение именно двух, а не большего или меньшего количества матриц остается проблематичным. Вероятно, имеются основания говорить о двух «крайних» моделях при наличии смешанных (переходных).

Позиции автора можно противопоставить работы, в которых обосновываются три институциональные системы: рыночная, плановая и солидаристская [3]. Первая основана на экономических отношениях (рыночной матрице), вторая — на политических (централизованной матрице). Третья система построена на выделении идеологии как основе мотивации индивидуального поведения, когда личность, восприняв определенные моральные, культурные или религиозные ценности, готова к естественному ограничению своих потребностей, осмысленному формированию собственных интересов под воздействием «высоких» целей.

Автор настаивает на том, что в России должны развиваться такие институциональные формы, которые связаны со свойственными России базовыми институтами унитарно-централизованной политической системы, повышением роли государства в экономике, возрождением коллективистских ценностей. Этот процесс начался в результате неудачных институциональных реформ начала 1990-х годов. Далеко не очевидно, что нерыночная экономика, унитарно-централизованная политическая система и идеология

коммунитарности и «соборности» — удел России. Здесь С.Г. Кирдина фактически возрождает спор между славянофилами и западниками.

В последней части монографии автор пытается смягчить жесткие выводы из собственной концепции и «внезапно» предлагает России демократическое будущее. Проследить логику в этом рассуждении довольно трудно. Когда стало ясно, что российское общество будет представлять собой Московское царство либо Советское государство, автор высказывает мнение, что возможна новая модель управления, соответствующая «восточной матрице», основанная на разнообразии форм собственности, договорных отношениях и добровольном согласии участников. Иными словами, в России прослеживается общемировая тенденция к укреплению гражданского общества, но российское гражданское общество, не менее демократичное и уважающее права личности, чем западные общества, будет построено на основе «восточной», а не «западной» матрицы. Эти положения книги требуют дополнительной аргументации.

Поставленная автором проблема междисциплинарна. Автор лишь обозначила общие положения своей теории, построила методологическую конструкцию в терминах институциональной социологии. Что же касается фактологического наполнения, а это касается и исторического, и социально-экономического, и политического аспектов проблемы, то оно остается делом будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Toffler A.* Future shock. London: Macmillan, 1971.
2. *Бессонова О. Э., Кирдина С. Г., О' Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск, 1996. С. 23-24.
3. *Kaufmann F-X.* The public sector: Challenge for coordination and learning. New York, 1991.
- 4.

Кандидат экономических наук *Г.А. Меньшикова,*
М.В. Павенкова
факультет социологии
Санкт-Петербургского государственного университета